

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АБЗАЦНОГО ЗАЧИНА В ИДИОСТИЛЕ Г. АГНАЕВА

А. Ф. Кудзоева

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МОН РЮО
в рамках научного проекта № 20-512-56001*

В статье предметом исследования являются абзацные зачины в текстах одного из крупнейших современных осетинских писателей Гастана Агнаева. С позиций коммуникативной стилистики, в русле теории регулятивности, рассматриваются содержательные типы и лексическая структура абзацных зачинов как регулятивной структуры – компонента идиостиля писателя. На материале двух разных по жанру, стилю, объему произведений писателя (романа «Младшая дочь Темыра» и рассказа «Лошадь плакала...») предпринята попытка составления содержательной типологии регулярных абзацных зачинов, выявления лексических регулятивных средств и приемов реализации авторских интенций. Выбор материала исследования продиктован намерением доказать универсальность средств и способов организации диалога с читателем как проявлений индивидуальных качеств языковой личности писателя, то есть его идиостиля. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что доминанты современного гуманитарного знания – антропоцентризм и текстоцентризм – еще не оказали должного влияния на осетинскую лингвистику, творческая индивидуальность автора художественного текста в разных работах рассматривается только в аспекте системы концептов или композиционных приемов. Методологической основой исследования послужили работы Н. С. Болотновой, Г. А. Золотовой, Е. В. Сидорова и др. Используя методы интроспекции, моделирования, семантико-стилистического анализа, количественных подсчетов, проанализировано более 1000 абзацных зачинов, выявлены типичные в плане содержания и лексической оформленности абзацные зачины, доказан их статус как регулятивной структуры в структуре идиостиля Г. Агнаева. Сделан вывод о том, что идиостилю писателя присущ принцип экономии языковых средств при создании образа. Высокая частотность глагольной и абстрактной лексики в основных типах абзацных зачинов дает возможность говорить о склонности к рефлексии, имплицитном пропагандировании извечных ценностей, наличии внутреннего конфликта с прагматичным миром.

Ключевые слова: абзацный зачин, регулятивные средства, регулятивная структура, идиостиль.

Отдельные аспекты проблемы индивидуального стиля языковой личности, так называемого идиостиля, являются предметом пристального внимания разных направлений современной лингвистики. Традиционная функциональная стилистика исследует образную трансформацию слов, композиционные приемы и структуры, особенности словоупотребления в художественной системе автора, т.е. ориентирована на анализ

различных структурных и семантических характеристик языкового материала произведения или на создание неких моделей языковой картины мира автора. Понятно, что в данном случае объем понятия «идиостиль» – это некая совокупность наиболее характерных свойств творчества языковой личности (автора), выраженных в особенностях употребления им тех или иных языковых единиц (чаще всего лексических).

Для активно развивающегося в последние десятилетия нового направления – коммуникативной стилистики текста – характерно несколько иное, более широкое понимание идиостиля: это «многоаспектное многоуровневое проявления личности, «стоящей» за текстом: его лексикона, знаний о мире, мотивов, определяющих особенности содержания и структуры созданного ею текста» [1].

В зависимости от того, какой именно аспект модели идиостиля – формальный, содержательный или функциональный – подлежит репрезентации в коммуникативной стилистике, Н. С. Болотнова выделяет три «базовых стиля»: «культурно-речевой», актуализирующий форму идиостиля, «коммуникативный», реализующий саму сущность, содержание данной категории, и «когнитивный» как функцию, отражение картины мира языковой личности [2].

Таким образом, одним из основных положений коммуникативной стилистики текста является положение о том, что любой текст, в том числе художественный, отражает одновременно и фрагмент действительности и языковой системы, «стоящей» за текстом, и языковую личность автора во всем многообразии ее проявлений, и образ адресата как участника творческого диалога. Иными словами, в отличие от традиционных направлений функциональной стилистики, коммуникативная стилистика текста «вводит» в объем модели идиостиля фигуру адресата текста, который трактуется как «коммуникативная система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающих сопряженную модель деятельности адресата и отправителя

сообщения», то есть характеризуется системно-деятельностным подходом к тексту. Направлениями, в русле которых осуществляется анализ текста, являются теория регулятивности, теория текстовых ассоциаций и теория смыслового развертывания [3].

Под регулятивностью понимается способность текста воздействовать на читателя с тем чтобы его интерпретационная деятельность отвечала коммуникативным задачам автора, причем эта способность проявляется как системное качество [4]. К основным задачам теории регулятивности отнесены исследование регулятивных средств, способов регулятивности, выявление коммуникативных универсалий – законов и принципов словесно-художественного структурирования текста.

Регулятивными средствами называются элементы текста, значимые для управления познавательной деятельностью читателя [5, 208].

В коммуникативной стилистике текста выделяются лингвистические и экстралингвистические регулятивные средства. Под первыми понимаются ритмико-звуковые, лексические и грамматические особенности организации текста, в то время как ко вторым отнесены его композиционные, логические и графические характеристики [6, 34].

Разумеется, регулятивность чаще всего имеет комплексный характер, однако ни в одном тексте регулятивные средства не могут быть «распределены» равномерно, всегда имеет место преобладание черт одного типа, и тогда можно говорить о доминанте регулятивности.

Регулятивные структуры (или регулятивы) – это «текстовые структуры регулятивного типа», формируемые регу-

лятивными средствами и отражающие их взаимосвязь в создании способности текста «управлять познавательной деятельностью читателя в зависимости от индивидуальной манеры писателя» [7].

Под способами регулятивности мы, вслед за Н.С. Болотновой, понимаем «коммуникативно и прагматические обусловленные принципы организации текста и его фрагментов, отражающие целевые установки автора» [8, 167].

Целью данной работы является попытка выявления способов регулятивности в произведениях современного осетинского писателя Гастана Агнаева как особенностей его идиостиля. Обращение к творчеству Г. Агнаева не случайно. Одна из наиболее ярких, колоритных фигур в современной осетинской прозе, продолжатель традиций классической осетинской литературы, Г. Агнаев в то же время своеобразный камертон, чутко реагирующий в своем творчестве на сложные социальные процессы, изменения в культурном фоне осетин.

Материалом исследования служат роман «Темыры кæстæр чызг» («Младшая дочь Темыра») и рассказ «Бæх куыдта...» («Лошадь плакала...»). Выбор материала обусловлен, с одной стороны, его художественными достоинствами, с другой, намерением показать, что творческая индивидуальность автора одинаково ярко проявляется в произведениях разных жанров через определенные закономерности лексической и грамматической структуры создаваемого им текста. Разумеется, реальное текстовое воплощение произведения обусловлено не только интенцией автора, но и общими, универсальными для текста определенного жанра и стиля принципами построения текста.

Коммуникативный стиль как составляющая общей модели идиостиля как бы диктует автору те или иные «типичные коммуникативные роли, коммуникативные тактики и стратегии, выбор регулятивных средств и структур, отношение к коммуникативным нормам, ориентацию на адресата, выбор речевых жанров» [9, 180], однако за любым тестом стоит языковая личность автора со своими индивидуальными особенностями репрезентации коммуникативных универсалий разных типов, то есть индивидуальные особенности стиля автора так же «универсальны» (в объеме его идиостиля), как и закономерности организации текстов разных стилей и жанров.

Обратимся к особенностям лексико-грамматической организации текстовых микроструктур – абзацев, точнее, абзацных зачинов в указанных произведениях Г. Агнаева, с тем чтобы выявить их типологию как регулятивных структур, доминант регулятивности.

Под абзацем мы в данном случае понимаем сверхфразовое единство определенного типа, синтаксическую единицу больше предложения, обладающую двойственным характером в силу выполнения одновременно функций синтаксических и структурных, композиционных. Типология абзацев, функциональные и синтаксические особенности их компонентов, принципы связи предложений достаточно детально исследованы в русистике [10; 11; 12], однако ни эти аспекты, ни тем более коммуникативные потенции абзаца и его составляющих до сих пор не обратили на себя внимание стилистики осетинского языка.

Между тем абзацный зачин – значимая текстовая позиция, яркий показа-

тель коммуникативной интенции автора художественного текста. Широко известно высказывание Л. В. Щербы о том, что абзац «открывает совершенно иной ход мыслей» [13, 389], то есть является фактом речемыслительной деятельности. Абзацные зачины являются своего рода ориентирами последующего повествования, частично презентуя персонажей, время и место событий и др.

В результате лексико-грамматического анализа более 1000 абзацных зачинов (980 в романе «Младшая дочь Темыра» и 75 в рассказе «Лошадь плакала...») мы выделили следующие наиболее частотные содержательные типы: 1) первичная презентация персонажа; 2) характеристика личностных качеств персонажа; 3) обозначение состояния персонажа; 4) обозначение места действия; 5) обозначение времени действия; 6) обозначение действия; 7) авторские сентенции.

Регулярными способами **первичной презентации персонажа** в абзацных зачинах анализируемых текстов Агнаева следующие:

1) обозначение персонажа собственным именем, без указания каких-либо характеристик: *Жанна* райхъал, фæлæ йæ хуыссæнæй сыстын нæма фæнды. *Жанна* проснулась, но вставать с постели ей еще не хотелось (*Здесь и далее перевод мой – А. К.*). *Уæздинца*... *Уæздинца* æрлæууыд... *Уæздинца*... *Уæздинца* остановилась... Асик та дысон дæр нæ фæзынд. Асик не появился и этой ночью. *Темыр* æмæ *Вадим* дæр зонынц: йæ цæстæнгас, йæ зондахаст, йæ хъуыдыкæнынад сæ ничи аивдзæн. *Темыр* и *Вадим* тоже знают: никто из них не меняет своего мнения, своего мировоззрения, своего мышления.

2) представление по степени род-

ства: *Йæ фыд Темыр* телевизормæ райсомы хабæрттæм кæсы. Ее отец Темыр смотрит по телевизору утренние новости. *Мад æмæ фыд – Марина æмæ Темыр* – сæхи хуызæн нал сты, сæхиуыл нал хæцынц, Аслан сæ афонæй раздæр базæронд кодта, сæхимæ хъусыныл фесты, æдæрсгæ адæмы 'хсæнмæ рацæуын нал уæндынц. *Мать и отец – Марина и Темыр* – стали непохожи на себя, осунулись, Аслан заставил их преждевременно постареть, они уже не смеют выйти на люди. *Фыд æмæ чызг* æдзæмæй бадынц. Отец и дочь сидят молча. *Аслан* йæ хойы асхуыста, мæстджын, æнæхатырæй. Аслан оттолкнул свою сестру, зло, безжалостно. *Мæ фыд* *Æмзор* балхæдта ног бæх, урс ефс. *Мой отец* *Амзор* купил новую лошадь, белую кобылу. *Сыхæгтæ* æмæ нын *хионтæ* нæ бæх арæх ракурынц. *Соседи* и *родственники* часто просят нашу лошадь.

3) по гендерному признаку: *Нæлгоймаг* *Жанна*йæ цæуы цалдæр къахдзæфы раздæр. *Мужчина* идет впереди *Жанны* на расстоянии нескольких шагов. *Æнæзонгæ лæг* расыджы цыд нæ кæны, фæцуды, йæхи тыххæй бауромы. *Незнакомый мужчина* идет не как пьяный, покачивается, едва удерживается на ногах. *Сылгоймаг* фæстæмæ акъахдзæф кодта, æмраст слæууыд æмæ бахудт. *Женищина* шагнула назад, выпрямилась и засмеялась.

4) идентификация персонажа по профессии: *Дауыт*, сæ газеты редактор, уаты гом дуарæй æрбахызт. *Давид*, редактор их газеты, вошел в открытую дверь. *Дзерасса Алыксандры чызг* – ирон æвзаг æмæ литературæйы ахуыргæнæг – *Жанна* йæ никуы ферох кæндзæн. *Дзерасса Александровна* – учительница осетинского языка и литературы – *Жанна* ее никогда не забудет. Сæ газеты

раздæры корректор – Хадизæт. Прежний корректор их газеты – Хадизат. Парикмахер, йæ зонгæ сылгоймаг, Жанна æдзухдæр уымæ фæцæуы. Парикмахер, знакомая женщина, Жанна всегда ходит к ней.

К регулятивным средствам лексической организации абзацных зачинов содержательного типа *первичная презентация персонажа* относятся антропонимы – только собственные имена (*Æмзор, Жанна, Темыр, Вадим, Марина, Фатимæ, Аслан, Ахуырбег, Чермен*) или сочетание собственное имя+слово-маркер (*хъæдгæс Додти – лесник Додти, редактор Дауыт – редактор давид, корректор Хадизæт – корректор Хадизат, Дзерассæ Алыксандры чызг – ирон æвзаджы ахуыргæнæг – Хадизат Александровна – учительница осетинского языка и литературы*), лексика родства (*мад – мать, фыд – отец, æфсымæр – брат, хо – сестра, хъæбул – дитя*), слова – родовые понятия и местоимения (*бæх – лошадь, чызг – девушка, лæг – мужчина, сылгоймаг – женщина, уый – он (она), æз – я*).

Характеристика личностных качеств персонажа: Темыр æнæуи дæр дзыппыдаргæ телефонтæ нæ уарзы. Темыр и не любит сотовые телефоны. Гыццылæй уæлмæрдты цур цæуын нæ уæндыд. В детстве (она) боялась ходить мимо кладбища. Жанна ницæмæй тæрсы, æрмæстдæр – адæмæй. Жанна ничего не боится, только людей. Фыд карз нозтмæ æмхиц нукуы уыд. Отец никогда не был любителем крепких напитков. Мад æрдзæй дзураг нæ рахаста, хиуылхæст адæймаг у. Мать от природы неразговорчивая, она сдержанный человек. Жанна æрæджы кæнын нæ уарзы. Жанна не любит опаздывать. Зондджын, æмбаргæ, уæздан хай-

уан йæхи афтæ дардта, цыма не скъæты райгуырды, нæ кæрты схъомыл. Умное, понятливое, благородное животное вело себя так, как будто выросло в нашем дворе.

К этому же типу абзацных зачинов мы относим первые предложения, характеризующие героя по внешности и по возрасту: *Рæстæмбис кары къæбæлдзыгсæр сылгоймаг* рынчынмæ афтæ хæстæг бацыдис, цыма йæ ахъæбыс кæнынмæ хъавы. *Кудрявая женщина средних лет* подошла к больному так близко, словно хочет его обнять. *Урсæр, къæсхуыртæ гуыбыр зæронд лæг сæ цурмæ æрбацыд*, йæ лæдзæгылд æрæнцой кодта æмæ рынчыныл сæрæй къæхтæм цалдæр хатты йæ цæстытæ джигулгæнæгау æрхаста. *Седой, худоцавый, сутулый старик* подошел к нему, оперся на свою палку и, словно обыскивая, несколько раз оглядел больного с головы до ног.

Указывая на возраст персонажа, автор как бы готовит читателя к определенным поступкам, свойственным человеку определенного возраста, то есть «за текстом» вызывает в сознании собеседника национально-культурные стереотипы: старик – седой, благообразный, мудрый, сдержанный; женщина средних лет – благородная мать семейства, опрятная, сердобольная. Контраст между ожидаемыми и реальными поступками способствует достижению коммуникативной цели автора, оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. Особенностью идиостиля Г. Агнаева является и то, что в его текстах нет упоминания точного возраста персонажей. Возраст определяется опосредованно, через действия (*Уæд ахуыр кодтон скъолайы. Тогда я учился в школе – герой – подросток; Те-*

мыр йæхи æнæпайда, æгуыст лæг хоны. Темыр считает себя бесполезным, безработным человеком. – речь в данном случае идет о человеке пенсионного возраста) или внешние характеристики (урссæр, къæсхуыртæ гуыбыр зæронд лæг – седой, худоцавый, сутулый старик).

В лексическом составе абзацных зачинов, презентующих личностные качества и внешние характеристики действующих лиц, наиболее частотными являются атрибутивные группы со значением качества, свойства (уæздан, æмбаргæ хайуан – благородная, понятливая лошадь, уыцы рæсугъд, уыцы æлвæст хайуан – такая красивая, такая подтянутая лошадь), атрибута (урс цаппузыртæ – белые пуговицы, къæбæлдзыгсæр сылгоймаг – кудрявая женщина, æгъуыз фæлм – бесцветная пелена, мигъбадт цæстытæ – затуманенные глаза, урссæр, къæсхуыртæ зæронд лæг – седой, худоцавый старик), (уазал уылаен – холодная волна, уазал хид – холодный пот, мæстджын, сонт дымгæ – сердитый, порывистый ветер, удаист, тыхст хъæлæс – испуганный, ...), признака (рынчын лæг – больной человек, уазал риз – холодный озноб). Абсолютное большинство атрибутивных групп эксплицитно и имплицитно выражают эмоциональное и физическое состояние персонажа (уазал хид – холодный пот, рынчын лæг – больной человек, уазал риз – холодный озноб), другая группа имеет собственно оценочное значение эмоционально-интеллектуального состояния персонажа (уæздан, æмбаргæ хайуан – благородная, понятливая лошадь), и лишь небольшая часть характеризует внешность человека (глаза, урссæр, къæсхуыртæ зæронд лæг – седой, худоцавый старик, къæбæлдзыгсæр сылгой-

маг – кудрявая женщина). Это наводит на мысль об особенностях идиостиля писателя, заостряющего внимание на внутреннем мире человека, его духовной жизни, «навязывающего» собеседнику (читателю) истинные ценности в противовес прагматичному, жестокому и бездушному миру.

Высокую частотность имеют абзацные зачины, указывающие на **физическое или психологическое состояния персонажа**: Чызг, йæ буарыл æлхысчъытæгæнгæ уазал уылаен куыд æрбакалд, уый хорз æнкъары. Девушка явственно ощущает, как по ее телу прокатилась колючая холодная волна. Уыцы цалдæр ныхасы йыл ихдоны æртæхтау не 'ргæр-гæр кæныны, йæ буар сæ уазалай на нырризы, йæхимидæг сæ не 'рбацифъылдтае вæййы. Эти несколько слов не проливаются на нее подобно ледяным каплям, она не коченеет от их холода, не сжимается вся внутри. Ахсар ын йæ къух куы райсы, æнахуыр фæлмæн ист, уæд чызг цæмæндæр ныфсæрмы вæййы. Когда Ахсар берет ее за руку, необыкновенно мягко, то девушка почему-то смущается. Жаннае зæххы скъуыды ныххауынмæ цуæттæ у. Жанна готова провалиться сквозь землю. Фæлæ æз... æз дæр къаддæр нае цин кæнын. Но я... я тоже не меньше радуюсь. Аз...улафты мын нае фаг кæны. Я ... мне не хватает воздуха. Аз æнцад лæууын. Мæ мидбынат баргъæфстаен. Я молча стою. Застыл на месте.

Наиболее высокая частотность в составе этих зачинов отмечена для двух групп лексем: 1) наименования частей тела: цæстытæ – глаза, армытæапæн – ладонь, зæрдæ – сердце, сæр – голова, къух – рука, уырзтæ – подушечки пальцев, ных – лоб и 2) выраженные абстрактными существительными понятия:

æфсарм – «совесть, честь, скромность, благонравие» [14, 140], *уарзт* – любовь. При этом слова первой группы почти никогда не используются Г. Агнаевым в типичной для них функции описания персонажа, но являются действенным и регулярным средством создания психологического портрета героя. Это одна из основных особенностей идиостиля писателя – почти полное отсутствие описаний внешности героев и стремление полностью погрузить читателя в их психологический мир. Осуществлению этой авторской интенции способствует и лексема «фын – сон», не имеющая высокой частотности в целом тексте, но сосредоточенная в отдельных фрагментах, описывающих особо высокий эмоциональный накал, состояние героя, стоящего перед драматическим, а порой трагическим выбором, не находящим физической и духовной опоры в реальной жизни и ищущем ее в мире духовном, метафизическом. Эти слова, как и абстрактная лексика вообще, имеют высокий потенциал эмоционально-интеллектуального воздействия и используются писателем для реализации его интенций.

Зачины с указанием на место событий: *Жанна-иу университеты цур не 'рхызт, фæлæ дæлдæр. Жанна выходила не возле университета, а немного дальше. Бухгалтерийы ма̀нимæ стæм фондз адæймаджы, фондз сылгоймаджы. В бухгалтерии нас вместе со мной пять человек, пять женщин. Хъæугæрон нæ бæх хизы. На окраине села пасется наша лошадь. Мæ фыд сарайы хъæдын тæхатиныл хуыссы, йæ фæллад уадзы. Мой отец лежит в сарае на деревянной тахте, отдыхает.*

Для репрезентации места событий автор реже всего обращается к реаль-

ным топонимам – в двух произведениях их всего два: *Салыгæрдæн* – *Салугардан* и *Чырыстоныхъæу* – *Христиановское*. Пространственная лексика в обоих текстах представлена, в основном, следующими единицами: *хæдзар* – дом, *уат* – комната, *кæрт* – двор, *уынг* – улица, *уæлмардтæ* – кладбище, университет, *редакци* – редакция, *хъæугæрон* – околица, *цæхæрадон* – огород, *сара* – сарай, *скъола* – школа (слова расположены по мере убывания частотности). Помимо своей прямой функции – обозначения места событий – эти слова имплицитно несут информацию о социальном положении героя. Так, пространство героя рассказа «Лошадь плакала...», мальчика-подростка, чаще обозначено словами *кæрт* – двор, *уынг* – улица, *хъæугæрон* – околица, *цæхæрадон* – огород. Тем самым автор формирует в нашем сознании образ сельского мальчика, все свободное время проводящего за пределами дома. Героиня другого произведения – журналистка Жанна – физически и духовно «живет» в замкнутом треугольнике «дом – редакция – кладбище» (там покоится ее мать). Слово «университет» служит не только ориентиром ретроспекции – высокая частотность этой лексемы несет в себе следующую информацию: девушка молодая, недавно окончила университет; у героини высокий интеллект, университет оказал на нее огромное влияние и занимает много места в ее духовной жизни; студенческие годы были самыми счастливыми и беззаботными – «за текстом» университет противопоставляется в сознании читателя реальному месту проживания героини.

Как видим, пространственные маркеры в текстах Агнаева не отличаются разнообразием. Это приводит нас к

мысли о том, что автор, как и его герои, склонен к рефлексии, замыкается сам и замыкает собеседника на внутреннем мире героя, постоянно вступающем в конфликт с действительностью.

Зачины, указывающее на время действия: *Хæсты фæстæ, мад æмæ фыд æрыгæттæ куы уыдысты, уæд, сæ ныхæстæм гæстæ, бирæ уазалдæр уыд. После войны, когда мать и отец были молодыми, было, по их словам, намного холоднее. Знон Жанна йæ уацхъ-уыд цыдæр æнцонай ныффыста. Вчера Жанна как-то легко написала свою заметку. Уыцы æвддæсæм октябрь дзы никуы фæрох уыдзæн. Это семнадцатое октября она никогда не забудет. Фарон сентябры кæрон уæлмæрды хæмпæлгæрдæг æмæ хъамылы бардзæрстæуыд. В прошлом году в конце сентября кто-то поджег сорняки на кладбище. Абон у Темыры райгуырæн бон. Сегодня день рожденья Темыра. Ног бон та райдыдта. Начался опять новый день. Сабат. Хур зæххыл атылд. Суббота. Жарко светит солнце. Сæрдыгон фæлмæн изæр. Мягкий летний вечер. Боныцъæхтыл, цæст фæндаг дзæбæх нæма ахста, афтæ араст стæм. На рассвете, когда глаз едва различал дорогу, мы отправились в путь. Дæсæм сахат райдыдта, уæддæр Жанна нæма сыстад. Уже начало десятого, но Жанна еще не встала.*

Ядро этих зачинов составляет лексика со значением времени: *боныцъæхтæ – рассвет, райсомæй – утром, азтæ – годы, зымаг – зима, ноябры фæстаг бонтæй иу – один из последних дней ноября, дыууын æстæм ноябрь – двадцать восьмое ноября, сæр – лето, изæр – вечер, фæззæг – осень, уалдзæг – весна.* Как видим, календарное время обозначается, в основном, прямо, с указанием на время года или суток, а также на опре-

деленную дату, значимую для героя.

Темпоральная лексика используется Агнаевым не только и не столько для маркирования хода событий (которых немного в обоих произведениях), сколько для передачи психологического состояния героя. Действие рассказа «Лошадь плакала...» разворачивается летом и ранней осенью, когда начинаются уроки в школе. И все радостные моменты, в том числе ожидание героем еще большей радости – рождения жеребенка – связаны с летом. По мере того как нарастает драматизм сюжета, заканчивается лето и начинается осень. В романе «Младшая дочь Темыра» основное действие – от начала повествования до смерти главной героини – ограничено 33 днями лета – с 29 июля до 31 августа. Однако автор все время отсылает нас назад, то в осень прошлого года, то в военное время («когда мать и отец были еще молодыми»). Подготавливая читателя к трагической смерти героини на исходе лета, автор вызывает у читателя чувство тревоги, ощущение приближающегося несчастья указаниями на холодную, дождливую, пасмурную осень и на необыкновенный холод военных лет.

Высококачественной регулятивной структурой «абзацный зачин» в анализируемых текстах является глагольный тип – **зачины с обозначением действия.** *Æмæ сыстад. И встала. Чызг йæ мидбылхудгæ уатæй рахызт.* Девушка вышла из комнаты, улыбаясь. *Æмæ Жанна фæцауы, гом дуары къæсæрæй ахызт, фæстæмæ æхсгæ каст фæкодта, æмæ цыдæр уысм мады цæстытæ æмæ йæ цæстытæ фæиу сты.* Мад стьолы фарсмæ бады, йæ цæнгтæ стьолыл – дзуарæвæрд, йæ сæр съл æруагъта. Мать сидит за столом, ее руки скре-

щены на столе, *опустила* на них голову. Мæ фыд мыл æназдургæйæ иуварс *ахацыд*. Мой отец молча *потянул* меня в сторону. Ме 'мбал лæппутæ сæ бæхты миниуджытæ хорз *зоныны*. Мои друзья, мальчики, хорошо *знают* повадки своих лошадей. Дзыларыл *рахацыдтæн*. (Я) *потянул* уздечку.

Предикативная лексика этих зачинов представлена как акциональными, так и неакциональными глаголами (терминология Г. А. Золотовой, см. [15]). В силу того, что модальные и фазисные глаголы в абзацных зачинах анализируемых тестов не имеют высокой частотности (что связано, в том числе, с особенностями синтаксиса осетинского языка), мы рассматриваем только знаменательные глаголы. Среди всех типов неакциональных глаголов, которые, «не обозначая действия... выражают разного рода отношениями между предметами» [15, 159], к наиболее частотным можно отнести статуальные: *хъамылы бын фæвæййы* – *зарастает сорняками*, и функтивные, обозначающие «не деятельность, а функционирование предмета или возможность функционирования как способ существования или осуществление назначения предмета» [15, 162]: *хур фæныгуылы* – *солнце заходит*, *тыхулафт хъуысы* – *слышно затрудненное дыхание*.

Однако регулярными средствами создания регулятивной структуры «абзацный зачин с обозначением действия» в идиостиле Г. Агнаева являются, по нашему мнению, акциональные глаголы со значением физического или ментального действия лица [15, 164]. По возрастанию частотности в текстах предикативы располагаются следующим образом: 1) глаголы конкретного физического действия: *сифтындзы* –

запрягает, *хизы* – *пасется*; *разылдта* – *повернул*; 2) глаголы движения: *акъах-дзæф кодтай* – *шагнул*, *лаууы* – *стоит*, *фестаптæн* – *вскочил*, *сæхи адаргъ кæныны* – *вытягиваются*, *æрцыд* – *пришел*, *фестъæлфыдтæн*, *фестаптæн*; 3) глаголы со значением речемыслительной деятельности: *бафæрсынмæ хъавы* – *собирается спросить*, *бамбæрста* – *поняла*, *зоны* – *знает*, *æмбары* – *понимает*, *фæхъуыды кæнын* – *думает (часто)*, *дызæрдыг кæнын* – *сомневаться*, *зæрдæйæ нæ цух кæны* – *не забывается (букв. не покидает сердца)*; глаголы эмоционального действия: *йæхи уарзын кæны* – *заставляет себя любить*, *нæ уарзы* – *не любит*, *мæсты кæны* – *сердится*, *асхуыста* – *оттолкнул*. Как отдельный подвид глаголов эмоционального действия мы склонны рассматривать глаголы эмоционального состояния: *цин кæнын* – *радуюсь*, *цыдæр кæны* – *что-то (с ней) происходит*, *баргъæфтæн* – *застыл*, *тыхсти* – *мучился*, *тæрсы* – *боится*, *нæ уæндыны* – *не смеют*, *сонт кæны* – *сходит с ума*, *йæхимидæг æрбаницъ-ылдтæ вæййы* – *скукоживается внутри себя*, *ныджджих* – *смотрит застывшим взглядом*, *æхсидав фестдзæн* – *превращается в головешку (момент сильного переживания)*.

Предикативная лексика выполняет очень значимую функцию в формировании идиостиля писателя. Глаголы не намечают контур образа героя, а формируют его, предельно точно обрисовывая психологический портрет. В то же время выбор глаголов характеризует идиостиль создателя текста, реализуя его интенции, одновременно «раскрывает» для читателя эмоциональное состояние самого автора, его мировоззрение, систему ценностей и, в конечном счете, сам образ создателя текста.

Регулятивность глаголов речемыслительной и эмоциональной деятельности, а также эмоционального состояния дает возможность сделать вывод о том, что склонность к рефлексии, погруженность в сферу духовного присущи не только героям Агнаева, но и самому автору.

Особую группу абзацных зачинов составляют авторские **сентенции**. Здесь следует отметить, что понятие сентенции в лингвистике имеет несколько толкований. Так, И. Р. Гальперин называет сентенциями предложения, прерывающие «последовательность изложения фактов, событий, описаний», с которыми они связаны в лучшем случае косвенно [16, 99]. Некоторые авторы квалифицируют сентенции как изречения фразеологического типа или литературные афоризмы [17; 18; 19]. Безотносительно определения природы сентенции, лингвисты сходятся на том, что ей присущи такие признаки, как лаконичность формы, поучительность характера, обобщенность мысли, и эти черты сближают сентенции с афоризмами с их «вневременной тематикой»: «Людей во все периоды времени интересовали морально-нравственные и философские вопросы» [20, 157], и попытки дать на них ответы, собственно говоря, и порождают как афоризмы, так и сентенции.

Абзацные зачины-сентенции Агнаева практически всегда имеют форму риторического вопроса: из 43 выявленных нами сентенций только одна оформлена повествовательным предложением, к тому же является не зачином, а финальным элементом абзаца.

Приведем несколько примеров. *Афтæ æнцонай кæрадзийæн зын цамаен кæнаем?* – Почему мы так лег-

ко делаем больно друг другу? *Адаймаг афтæ рохгæнаг цамаен у?* – Почему человек так забывчив? *Диссаг, ныхас комкоммаæ зæрдæйыл афтæ цамаен æмбæлы?* – Удивительно, почему слово так прямо достигает сердца? *Сылгоймаг сылгоймагты 'хсаен цы басусаг кæндзæн?* – Что может женщина скрыть среди других женщин?

Подавляющее большинство сентенций Г. Агнаева можно назвать философскими. Это размышления о добре и зле, о несовершенстве человеческой природы и боли, причиняемой этим несовершенством. У автора есть ответы на задаваемые им вопросы. Но, с одной стороны, он не хочет мириться с такими ответами (Мы причиняем боль друг другу, потому что жестоки или недалеки. Человеку не свойственно помнить добро. Слово – очень опасное оружие, и многие этим пользуются. Женщины от природы чересчур любопытны, часто вмешиваются в чужие дела), с другой стороны, призывает читателя поразмышлять вместе с ним, сделать как бы свои, но на самом деле – «навязанные» автором выводы. Потому что следующим шагом после ответа на его вопросы должно быть стремление исправить, улучшить, очиститься, попытаться достичь гармонии. Доброта, душевная чистота, любовь к ближнему, бережное отношение к человеку – вот черты, «культивируемые» Агнаевым у своего читателя посредством сентенций, являющихся одной из специфических черт его идиостиля.

Высокий регулятивный потенциал абзацного зачина в проанализированных произведениях Г. Агнаева обусловлен преднамеренным выбором писателя ограниченного количества содержательных типов зачинов, ко-

торые наилучшим образом реализуют его коммуникативные интенции. Доминантой регулятивности является структура «абзацный зачин с обозначением действия», смысловым и организационным ядром которого являются акциональные глаголы физического или ментального действия. Этот факт, а также то, что в текстах автора прак-

тически отсутствуют зачины с описаниями природы, внешности героев, дают возможность говорить о принципе экономии языковых средств как одной из особенностей идиостиля писателя. Данное утверждение необходимо подтвердить более детальным анализом структуры абзацных зачинов, указанных выше типов.

-
1. Болотнова Н. С., Котюрова М. П. Идиостиль, или индивидуальный стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 187-193. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24548511>
 2. Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187-193.
 3. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
 4. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987.
 5. Болотнов А. В. Регулятивные средства и структуры как отражение коммуникативного стиля языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 10 (138). С. 208-213.
 6. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3 (105). С.34-40.
 7. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурис. 2-е изд. М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57883>
 8. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: способы регулятивности в медиадискурсе публичной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 3. С. 167-171.
 9. Болотнов А. В. Коммуникативный стиль языковой личности (на материале публичного дискурса ведущего радиостанции «Эхо Москвы») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 3 (131). С. 180-183.
 10. Валгина Н. С. Теория текста. Учебное пособие. М., 2003.
 11. Хазагеров Т. Г., Ширина Н. С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

12. Кольцова Л. М. Абзац в структуре художественного текста // Мир русского слова. 2011. №3. С. 22-29.
13. Шерба Л. В. Пунктуация// Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. С. 389. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3661.htm>
14. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2018.
15. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
16. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2005.
17. Тютрина В. С Авторские сентенции в структуре языковой личности писателя (по произведениям Семена Липкина) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 4, 2010. С. 142-145.
18. Фокина М. А. Авторские сентенции в концептуальной структуре художественного текста (по произведениям русской повествовательной прозы XIX-XX вв.) // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Материалы междунар. конф. (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). М., 2008. С. 391-393.
19. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского народа, их источники и развитие. М., 2001.
20. Королькова А. В. Русская афористика как средство репрезентации языковой картины мира // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно- прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года). Белгород, 2019. С. 156-159.

Kudzoeva, Anzhela F. – K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); andjik@inbox.ru

REGULATORY POTENTIAL OF PARAGRAPH OPENING IN THE IDIOSTYLE OF G. AGNAEV.

Keywords: *paragraph opening, regulatory means, regulatory structure, idiostyle.*

In the article, the subject of research is the paragraphs in the texts of one of the greatest modern Ossetian writers Gastan Agnaev. From the standpoint of communicative stylistics, in line with the theory of regulation, content types and lexical structure of paragraphs are considered as a regulatory structure – a component of the writer's idiostyle. On the basis of two works of the writer, different in genre, style, volume (the novel «The Youngest Daughter of Temyr» and the story «The Horse Cried...»), an attempt was made to compile a meaningful typology of regular paragraphs, identify lexical regulatory means and methods of implementing author's intentions. The choice of the research material was dictated by the intention to prove the universality of the means and methods of organizing dialogue with the reader as manifestations of the individual qualities of the writer's linguistic personality, that is, his idiostyle. The relevance of such a study is due to the fact that the dominants of modern humanitarian knowledge – anthropocentrism and textocentrism – have not yet had a proper impact on Ossetian linguistics, the creative individuality of the author of a literary text in different works is considered only in the aspect of a system of concepts or compositional techniques. The works of N. S. Bolotnova, G. A. Zolotova, E. V. Sidorova and others served as the methodological basis of the study. Using the methods of introspection, modeling, semantic and

stylistic analysis, quantitative calculations, more than 1000 paragraphs were analyzed, paragraphs typical in terms of content and lexical design were revealed, their status as a regulatory structure in the structure of G. Agnaev's idiosyle was proved. It is concluded that the principle of saving language means when creating an image is inherent in the writer's idiosyle. The high frequency of verbal and abstract vocabulary in the main types of paragraphs makes it possible to talk about a tendency to reflection, implicit propaganda of eternal values, and the presence of an internal conflict with the pragmatic world.

REFERENCES

1. Bolotnova, N. S., Kotyurova, M. P. *Idiostil', ili individual'nyi stil'* [Idiosyle or individual style]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii). Slovar' – spravochnik. Red. A. P. Skovorodnikov* [Effective speech communication (basic competencies). Reference dictionary. Ed. A. P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2014, pp. 187-193. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24548511>
2. Bolotnova, N. S., Bolotnov, A. V. *Kognitivnyi stil' yazykovoï lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy* [The cognitive style of the linguistic personality in the structure of the idiosyle model: to the problem statement]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2012, no 4, pp. 187-193.
3. Bolotnova, N. S., Babenko, I. I., Vasilieva, A. A., et al. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiostil'* [Communicative stylistics of a literary text: lexical structure and idiosyle]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University, 2001. 331 p.
4. Sidorov, E. V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [Speech systemic problems]. Moscow, Nauka, 1987. 140 p.
5. Bolotnov, A. V. *Regulyativnye sredstva i struktury kak otrazhenie kommunikativnogo stilya yazykovoï lichnosti* [Regulatory means and structures as a reflection of the communicative style of a linguistic personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2013, iss. 10 (138), pp. 208-213.
6. Bolotnova, N. S. *O tipologii regulyativnykh struktur v tekste kak forme kommunikatsii* [On the typology of regulatory structures in the text as a form of communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2011, iss. 3 (105), pp. 34-40.
7. Bolotnova, N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar' – tezaurus. 2-e izd.* [Communicative text stylistics: dictionary-thesaurus. 2nd ed.]. Moscow, Flinta, 2016. 385 p. [Electronic resource]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57883>
8. Bolotnova, N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: sposoby regulyativnosti v mediadiskurse publichnoi yazykovoï lichnosti* [Communicative stylistics of the text: regulatory methods in media discourse of a public language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2013, iss. 3, pp.167-171.
9. Bolotnov, A. V. *Kommunikativnyi stil' yazykovoï lichnosti (na materiale publichnogo diskursa vedushchego radiostantsii «Ekho Moskvu»)* [Communicative style of the language personality (on the material of public discourse of «Echo Moskvu» radio presenter)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo*

universiteta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2013, iss. 3 (131), pp.180-183.

10. Valgina, N.S. *Teoriya teksta. Uchebnoe posobie* [Text theory. Tutorial]. Moscow, Logos, 2003. 280 p.

11. Khazagerov, T. G., Shirina N.S. *Obshchaya ritorika: kurs lektsii i slovar' ritoricheskikh figure* [General rhetoric: a course of lectures and a dictionary of rhetorical figures]. Rostov-on-Don, Rostov State University, 1994. 150 p.

12. Koltsova, L. M. *Abzats v strukture khudozhestvennogo teksta* [A paragraph in the structure of a literary text]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2011, no. 3, pp. 22-29.

13. Shcherba, L. V. *Punktuatsiya* [Punctuation]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. Moscow, 1935, vol. 9, p. 389. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3661.htm>

14. Parsieva, L. K., Gatsalova, L.B. *Osetinsko-russkii, russko-osetinskii slovar'* [Ossetian-Russian, Russian-Ossetian dictionary]. Vladikavkaz, Respekt, 2018. 1295 p.

15. Zolotova, G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Nauka, 1982. 366 p.

16. Galperin, I. R. *Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Editorial URSS, 2005. 144 p.

17. Tyutrina, V. S *Avtorskie sententsii v strukture yazykovoi lichnosti pisatelya (po proizvedeniyam Semena Lipkina)* [Author's maxims in the structure of the writer's linguistic personality (based on the works of Semyon Lipkin)]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of N. Nekrasov Kostroma State University]. 2010, no. 4, pp. 142-145.

18. Fokina, M. A. *Avtorskie sententsii v kontseptual'noi strukture khudozhestvennogo teksta (po proizvedeniyam russkoi povestvovatel'noi prozy XIX-XX vv.)* [Author's maxims in the conceptual structure of a literary text (based on the works of Russian narrative prose of the 19th –20th centuries)]. *Problemy semantiki yazykovykh edinits v kontekste kul'tury (lingvisticheskii i lingvometodicheskii aspekty). Materialy mezhdunar. konf. (Kostroma, 20-22 marta 2008 g.)* [Problems of semantics of linguistic units in the context of culture (linguistic and linguistic-methodological aspects). Proceedings of an International Conference (Kostroma, March 20-22, 2008)]. Moscow, 2008, pp. 391-393.

19. Shulezhkova, S. G. *Krylatye vyrazheniya russkogo naroda, ikh istochniki i razvitie* [Winged expressions of the Russian people, their sources and development]. Moscow, Azbukovnik, 2001. 288 p.

20. Korolkova, A. V. *Russkaya aforistika kak sredstvo reprezentatsii yazykovoi kartiny mira* [Russian aphoristics as a means of representing the linguistic picture of the world]. *Frazeologiya v yazykovoi kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry: sbornik nauchnykh trudov po itogam 4-i Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoi frazeologii (Belgorod, 26-27 marta 2019 g.)* [Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers. Collection of scientific papers of the 4th International Scientific Conference on cognitive phraseology (Belgorod, March 26-27, 2019)]. Belgorod, 2019, pp. 156-159.